

# ВИДИМАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

ВИКТОРИЯ ИВА

GPR  
37.6 MHz

ECHO  
2.7  $\mu$ s

DEPTH  
1.8 km

ICE  
98.7%  
PROB.

19.23°N  
23.42°E



Виктория Ива  
**Видимая сторона Луны**

«Автор»

2026

**Ива В.**

Видимая сторона Луны / В. Ива — «Автор», 2026

Инженер Дмитрий Соколов никогда не мечтал о космосе. Но когда ему предложили место в лунной миссии, он согласился не раздумывая. Его радар «Заслон-Л» уникален: он может найти воду там, где остальная техника видит лишь мертвый камень. Теперь его обыденность — тесный модуль и серая пыль за его стенами. Три месяца изоляции в компании семерых незнакомцев и работа на износ в условиях, к которым человек не приспособлен. Но Луна — это не только научный прогресс. Это радиация, вакуум, пыль и техника, которая неизбежно ломается. И ни Луна, ни Земля не облегчат задачи, скорее, наоборот...

© Ива В., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

1 глава	5
2 глава	12
3 глава	18
4 глава	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# Виктория Ива

## Видимая сторона Луны

### 1 глава

Дима с силой вцепился в подлокотники — так крепко, будто от этого зависел успех полета. Вообще-то, он не боялся летать — у него вовсе никаких фобий, раз уж на то пошло, не было. Но конкретно сегодня он волновался. Опасался того, что ждет после посадки. Здесь, в салоне самолета, он еще хоть как-то мог влиять на происходящее — пристегнуться, например, или сделать замечание соседу. Но вот за дверью аэропорта начиналась неизведанная территория.

За бортом проплывал остров — густо-зеленый, усеянный белесыми прямоугольниками отелей и черепичными кляксами кровель. Далее — зеркало залива, расшитое солнечными зайчиками, и, наконец, неумолимо приближающаяся взлетно-посадочная полоса. Шасси с глухим ударом коснулись земли, движки взревели реверсом, вдавливая пассажиров в кресла. Дима закрыл глаза и откинул голову, ощущая, как мелкая вибрация прошивает позвоночник. Пытаясь унять частивший пульс, Дима вызвал воспоминание трехмесячной давности — разговор, приведший его в эту самую точку.

Это случилось в кабинете для собеседований Звездного городка. Дима тогда так разволновался, что не запомнил почти ничего, кроме нелепого стула с красной спинкой и ядовито-зеленым сиденьем. На краю сознания пронеслось: «Как на экзамене». Экзаменом то и было.

Алексей Орлов — невысокий, крепко сбитый мужчина — бросил на него оценивающий взгляд. Дима сразу понял: не впечатлен.

— Соколов Дмитрий, — таким же невпечатленным, как и взгляд, тоном прочитал Орлов. — Ну что, Дмитрий, готовы три месяца есть из тюбиков, спать в мешке, каждое утро сдавать кровь и на время переквалифицироваться в разнорабочие?

Что меньше всего пугало Диму в предстоящей миссии, это быт. Орлов намеренно не упомянул о более важных вещах: полной изоляции, радиации, пыли и шансах не вернуться. По прикидкам Димы вероятность гибели составляла около 37%, тогда как у обычного человека в обычный день она не превышала пары тысячных процента. Он запретил себе заикливаться на цифрах.

— В студенчестве я неделями жил на пельменях и растворимом кофе, годами спал на продавленном матрасе, — ответил он, пожав плечами. — Уверен, Луна покажется курортом.

Орлов не улыбнулся — слишком многое стояло на кону, — но в глубине глаз за синими радужками что-то одобрительно блеснуло.

— Садись.

С этого все и началось.

Орлов был командиром группы и лично отбирал людей. Дима не запомнил ни лиц тех, кто сидел на собеседовании по бокам от Алексея, ни интерьер здания, ни дорогу туда. Но главное он, конечно, не забыл: его утвердили.

Самолет вырулил на стоянку, и за стеклом кабины выросла прозрачная стена аэропорта.

В зоне прилета его встретил парень в черном костюме с табличкой «Соколов Д.» в руках. Молча кивнул и повел Диму за собой.

В обычный день он точно впечатлился бы автомобилем: темный минивэн был настолько нашпигован техникой, что наверняка мог пробудить мальчишеский интерес у любого. Но

сегодня Дима был настолько взволнован, что просто забрался на заднее сиденье, бросил рядом сумку и устался в окно. Машина тронулась.

За стеклом потянулись ряды палм и пестрые вывески, где китайские иероглифы перемежались с редкими английскими словами, а по тротуарам шли люди в легких платьях и шортах, занятые какими-то своими будничными делами. Дима смотрел на их беззаботные лица и чувствовал себя бесконечно далеким от этого привычного мира, словно между ним и тротуаром была не просто стеклянная перегородка, а целая пропасть.

Где-то в глубине памяти всплыл образ старого парка в его родном городе, где деревья стояли совсем по-другому, не так нарочито ровно, и эта случайная мысль заставила его, наконец, достать телефон. На экране висело сообщение от матери:

«Долетел?».

«Да. Встретили. Все нормально».

Она совсем не одобрила его затею, но и отговаривать не стала. Дима не сомневался, что мама не находит себе места, и от этого понимания почувствовал прилив одновременно вины и нежности.

Странно, но глядя на горизонт, где скоро должен был показаться космодром, Дима четко осознал: в детстве он не мечтал о космосе, как другие мальчишки. Его интересовали вещи более приземленные, понятные. Как бы банально это ни звучало, но паять схемы и возиться с электронным конструктором нравилось ему куда больше, чем лазать в фанерной ракете и изображать из себя Гагарина.

Вот только когда полгода назад ему позвонили из руководства «Заслона», Дима, не раздумывая, выпалил «да». И сразу для себя решил: этот шанс он не упустит.

Разумеется, кандидатов хватало. Дима даже сейчас, когда его уже утвердили, не брался судить, кто лучше, а кто — хуже. Просто он удачно вписался.

Вообще, реальность происходящего обрушилась на него только на антропометрии: он стоял в одних трусах в стерильной, холодной комнате, а две женщины в халатах — одна в белом, другая в голубом — водили по его коже небольшим прибором, похожим на сканер. Потом пошли еще ручные замеры: ленты, штангенциркули, угломеры. «Ширина плеч», «Окружность груди», «Размах рук», «Обхват бедер», «Размер головы».

Тогда Дима вдруг поймал себя на мысли, что его сейчас проверяют не как человека, а как вещь — словно деталь обмеряют перед установкой в сложный агрегат. Его это не смутило, не показалось неправильным. Если его вписывали в такие жесткие допуски, значит, он действительно был необходим.

— Согните локоть. Еще. Хорошо. Поверните кисть. Теперь замрите.

Он послушно сгибал, поворачивал, напрягал и расслаблял мышцы. Его усаживали в кресло с датчиками, заставляли принимать позы сидя, лежа, сгруппироваться. Проверяли каждый сустав, измеряли изгибы позвоночника.

— Все, — сказала одна из женщин — та, что была в белом халате, — снимая последний датчик; на коже остался красный след. — Одевайтесь.

— Я прошел? — спросил Дима, натягивая футболку.

— Ну, «прошел» не мы тут определяем, — ответила вторая, не отрываясь от планшета. — Мы здесь проверяем «соответствие параметрам».

— И как я, соответствую?

— Да. Соответствуете, — сказала женщина в белом. Она улыбнулась краешком рта, и Дима заметил, какие у нее усталые, покрасневшие глаза. — Все, через неделю ждем вас на примерку, — произнесла как нечто совершенно естественное. Будто они снимали замеры для пошива какого-нибудь костюма тройки. Уже забыв о Диме, обратилась к коллеге: — Лиз, пометь, что перчатки здесь будут тоньше, а потому и манжеты нужны уменьшенные...

Машина притормозила перед КПП, и это вырвало Диму из воспоминаний. Из небольшого строения вышел охранник, сверил номера, заглянул в салон, подсветив фонариком, и сухо кивнул. Шлагбаум пополз вверх.

Они въезжали на территорию космодрома Вэньчан. Вдалеке у самого горизонта, виднелся стартовый стол — огромнейшая стальная конструкция, поблескивающая на солнце. Где-то там затаилась и ракета.

Самая настоящая, всамделишная, реальная, блин, ракета.

Дима смотрел на все эти исполинские сооружения и ощущал внутри странный трепет. Какое-то далекое чувство из детства, как когда он собрал приемник и сквозь треск помех услышал мелодию. В тот момент пришло осознание: он способен на что-то... значимое.

Минивэн свернул к гостиничному корпусу. Водитель заглушил мотор и впервые за всю дорогу произнес:

— Приехали.

Дима подхватил сумку и вышел в зной густой и влажный, что казалось — асфальт плавится.

Гостиница оказалась подчеркнуто функциональной: узкий коридор, жесткая кровать, рабочий стол. Из необычного было только окно — круглый иллюминатор с толстым стеклом. Дима бросил вещи и первым делом отправился в душ, чтобы смыть липкую дорожную усталость. Он стоял под струями так долго, сколько мог себе позволить. Горячая вода в ближайшие дни станет роскошью.

Позднее он надел свежую рубашку — светлую, с аккуратной нашивкой российского флага. В зеркале отразился сухощавый мужчина с острыми скулами и темными волосами, которые никак не желали укладываться. Тридцать три года. В детстве Дима думал, что космонавт непременно должен выглядеть как Гагарин — плечистый, с обезоруживающей улыбкой. Совсем недавно он узнал: космос любит компактных. Чем меньше весит кандидат, тем больше полезного груза можно впихнуть в ракету. В этом плане Диме повезло — он всегда был худым, в школе его за это дразнили, а теперь его конституция стала козырем. На одном из этапов он обошел конкурента только потому, что тот оказался слишком крупным — под два метра ростом и массой под центнер.

\*\*\*

Закончив сборы, Дима вышел в коридор, где его встретила гулкая тишина. Путь до соседнего корпуса, в котором должен был состояться брифинг, пролегал через крытый переход; Дима шел, не спеша, мельком поглядывая сквозь стекло на замерший в мареве стартовый стол. Внутри него бушевали сложные чувства: и мандраж, и странное, граничащее с фатализмом спокойствие от осознания, что все, пути назад уже нет. Совсем.

Оставалось преодолеть барьер в лице журналистов и в последний раз поужинать на Земле с теми, с кем предстояло делить герметичное пространство жилого модуля следующие три месяца на Луне.

Он, сделав несколько вдохов, чтобы успокоиться, нажал на дверную ручку и вошел.

Свет ударил наотмашь. Дима на секунду зажмурился, привыкая к яркости софитов.

Весь зал был развернут к длинному столу, за которым уже сидели семеро его спутников. С трех сторон на них скалились объективы камер, вдоль стен стояли люди с планшетами, а в воздухе висел наэлектризованный гул, всегда предшествующий началу чего-то грандиозного.

Как и на собеседовании, в центре длинного стола сидел Алексей Орлов — в идеально выглаженной рубашке и абсолютно невозмутимый. Справа от него — Ван Цзянь, глава научной программы. Дальше — Сергей Козлов, Екатерина Соболева и Чэнь Вэй. Слева — Лю Минь и, в самом конце стола, почти в тени, пристроился врач — Михаил Бережной. Он единственный не смотрел в объективы, ободряющий взгляд был направлен точно на Диму. Тот расправил плечи и шагнул вперед.

— Соколов, — негромко, но властно позвал Алексей. — Иди сюда. Твое место рядом с Лю Минь.

Дима прошел к столу под перекрестным огнем взглядов. Журналистов было много, и было ощущение, что каждый видит его насквозь: и дрожащие пальцы, и круги пота на рубашке, которой, как ему казалось, он не достоин. Он сел между Михаилом и Лю Минь; последняя едва слышно шепнула:

— Don't worry. Я тоже волнуюсь.

— Спасибо, — так же тихо отозвался Дима.

Зал резко притих. Красные огоньки на камерах вспыхнули почти синхронно, пресс-атташе поднял руку.

Прозвучали первые вопросы и комментарии — они были дежурными: цели миссии, международное сотрудничество, значимость момента. Дима настолько волновался, что практически не разбирает слов, определяя лишь интонации. Алексей чеканил фразы, Ван Цзянь говорил развернуто и мягко, голос Лю Минь лился ровно и бесстрастно.

К ответам Сергея и Кати Дима более-менее пришел в себя. Те делились историями с подготовки, и было заметно, как ладно они «сыграны» — как подхватывают мысли друг друга, обмениваются понятными только им шутками.

Дима смотрел на них и, как ни старался, не мог избавиться от чувства, что он здесь лишний.

— Вопрос к командиру экипажа, — раздался голос из первого ряда. Журналистка почти с вызовом смотрела на Орлова. — Известно, что состав группы был изменен всего за три месяца до старта. В команду вошел Дмитрий Соколов. Насколько комфортно экипажу с новым участником? Не пугает ли вас то, что он не проходил полную трехлетнюю подготовку вместе с остальными?

Дима почувствовал, как жар приливает к лицу — слова попали прямо в цель. В наступившей тишине — а может, это ему лишь почудилось — удары собственного сердца были оглушительными. Казалось, будто Алексей медлит с ответом, хотя пауза длилась всего две три секунды.

— Дмитрий Соколов — не «случайный пассажир», — Орлов смотрел прямо на журналистку, задавшую неудобный вопрос. — Он прошел жесткий отбор: все психологические и медицинские тесты. Да, он присоединился к команде позже, но это не станет проблемой. Дмитрий везет с собой технологию, без которой миссия не была бы такой эффективной. Радар поверхностного зондирования «Заслон-Л» позволит нам найти воду и нанести на карту лавовые трубки. Без него нам пришлось бы непросто. А без Дмитрия радар никто не настроит. Так что риски того стоят.

— Я добавлю, — мягко вмешался Ван Цзянь. — Мы достаточно поработали с Дмитрием, он быстро встроился в процесс. В нем есть редкое и ценное для нашей миссии сочетание — умение слушать коллег и способность принимать верные решения буквально «на лету», в условиях жесткого дефицита времени. Мы искренне рады, что он с нами.

Градус нервозности Димы ощутимо спал. Дальше посыпались привычные вопросы: про быт, радиацию, образцы грунта. Дима слушал и чувствовал, как комок, стоявший в груди последние недели, понемногу рассасывается. О нем говорили как о части целого.

— Вопрос к товарищу Ван Цзяню, — произнес журналист, на бейдже которого был изображена китайский флаг. — Ваша дочь, госпожа Лю Минь, также является членом экипажа. Не боитесь ли вы, что родственные связи могут повлиять на объективность профессиональных решений в критической ситуации?

В зале мгновенно воцарилась тишина, прерываемая лишь стрекотом затворов фотокамер. Дима краем глаза заметил, что Лю Минь слегка напряглась. Для него самого эта новость стала шоком — из-за жесткого дефицита времени за месяцы подготовки они не касались лич-

ного, и он даже не догадывался, что за профессиональной дистанцией китайских коллег скрывается... такая крепкая родственная связь.

Ван Цзянь же ответил со спокойной мягкой улыбкой:

— Лю Минь в команде не потому, что она моя дочь. Она здесь по той причине, что является лучшим специалистом по энергетическим системам, которого смогла предложить программа. Она была утверждена Алексеем и прошла тот же отбор, что и каждый из сидящих за этим столом. Здесь я не ее отец, я ее коллега.

Он сделал короткую паузу. Когда он продолжил, в его голосе звучала уверенность человека, пережившего не одну космическую программу.

— В космосе, и на Луне, в частности, семейные узы ничего не значат. Там важно одно: доверие к своей команде. Если вы спрашиваете, готов ли я доверить ей свою жизнь — да, безусловно. Так же, как и остальным членам экипажа.

Лю Минь не подняла головы, продолжая смотреть на свои сцепленные руки, но Дмитрий увидел, как едва заметно, почти призрачно, дрогнули в улыбке уголки ее губ.

— Вопрос к инженеру Соколову, — произнес парень из третьего ряда.

Дима резко выпрямился, его прошиб холодный пот. Он быстро нашел взглядом того, кто задал вопрос. И тут же идентифицировал вездливый прищур как «технарский».

— Расскажите, как работает ваш радар. Точнее — что в нем такого особенного, что ради него в уже сформированную команду ввели нового человека в короткие сроки?

Журналисты зашевелились, зашуршали блокнотами. Этот вопрос был не из тех, что задают на протокольных встречах — слишком конкретный, сформулированный дерзко. Алексей почти безразлично плечами и кивнул Диме, что означало: ничего из ряда вон здесь нет. Для Алексея, наверное, и не было, ведь он прошел через десятки и сотни таких вот пресс-конференций.

Дима выдохнул. Колени под столом мелко дрожали, но голос, когда он заговорил, не дрогнул.

— Спасибо за вопрос, — начал он, на секунду прикрыв глаза, чтобы собрать мысли в кучу. — Видите ли, обычный радар — ну, вроде тех, что, допустим, стоят в аэропортах — это, по сути, продвинутый эхолот. Послал импульс — поймал отражение. Все просто. Но для Луны этого мало. Сигнал отражается от поверхности, а что под ней — не известно. «Заслон-Л» работает на принципе квантово-резонансной спектроскопии.

В зале стало тихо. Даже те, кто до этого шептался, теперь внимательно смотрели на Диму. Стараясь подбирать слова попроще, он продолжил:

— У каждого вещества во Вселенной своя частота вибрации. У льда — одна, у реголита — другая, у пустоты лавовой трубки — вообще никакой. «Заслон-Л» позволит нам не просто «стучаться» во все двери подряд, а послать серию сверхслабых импульсов, каждый из которых является своего рода цифровым паролем. Если где-то действительно прячется лед, его атомы обязательно откликнутся, войдут в резонанс. Это дает нам возможность не гадать, а четко видеть, где пустая порода, а где вода.

Парень в очках подался вперед. Скепсис на его лице сменился живым интересом.

— И почему это нельзя сделать автоматически? — выкрикнули с задних рядов.

— Потому что лунный грунт сам по себе ужасно «шумит», — Дима заговорил увереннее. — Микросейсмика, тепловые скачки, статика, радиация... Эти шумы в миллионы раз сильнее сигнала, который мы ищем. Автоматика не отличит «пение» льда от треска породы. Нужен человек, способный отсеять эти шумы в реальном времени. Понимающий, как калибровать фильтры и куда сдвигать частоты, чтобы убрать помехи. Нужен тот, кто слышит разницу.

Он притормозил, осознав, что, пожалуй, разошелся.

— Поэтому я здесь, — лаконично закончил Дима.

Судя по тому, что про него быстро забыли, ответил он правильно.

— Вопрос к командиру, — поднялся французский журналист. — Нам известно, что NASA готовит к запуску «Артемиду». Ваша база и американская — они будут конкурировать или сотрудничать?

Алексей помедлил секунду.

— Луна большая, — сказал он наконец. — Места хватит всем. На высоте четырехсот тысяч километров политика забывается. С давних пор мы делимся информацией и выручаем друг друга. Так будет и в этот раз.

Спустя еще пару вопросов пресс-конференция свернулась. Зал быстро опустел, оставив после себя лишь запах нагретых ламп и вибрирующее в воздухе эхо.

— Ну что, — Алексей поднялся и потянулся всем телом — такой простой, обыденный жест заставил Диму окончательно расслабиться: он и Серге синхронно расстегнули пуговицы воротничков. — Пойдемте ужинать. В последний раз — по-человечески.

Они перешли в соседнюю комнату с круглым столом, в которой не было ни софитов, ни посторонних. Только восемь человек, обреченных через сорок восемь часов стать единым организмом. На столе стояла простая еда: салат, курица с золотистым картофелем, свежий хлеб в корзинке.

Дима опустился на стул между Лю Минь и Сергеем, ощущая, как напряжение всего дня, наконец, отпускает, а его место занимает сильный голод.

— Хорошо, — протянул Сергей, отламывая горбушку. — Почти как дома.

— У нас в Китае говорят, — произнес Ван Цзянь, — что ужин перед долгой дорогой должен быть сытным. Чтобы и путь был легким.

— Да это у всех так, — усмехнулась Катя. — Мне бабушка твердила всегда: «Ешь как следует, в дороге кормить не будут».

— Ну и в чем она была не права? — отозвался Сергей.

— Ну, на Луне-то мы голодать не будем, — вставил Михаил. — Но вот хлеба там уж точно не предвидится.

Оставшаяся часть ужина прошла в тишине. Все важные слова были сказаны на брифингах, и у каждого, наконец, появилась законная возможность просто помолчать.

Когда с едой было покончено, Алексей с негромким стуком поставил чашку на стол, приковывая к себе взгляды.

— Ну что, экипаж. Завтра последний день. Нас ждет финальная проверка и примерка скафандров. Послезавтра — старт. Громких речей от меня не ждите. Скажу только: спасибо, что вы здесь.

Дима вышел последним. Он направился в свой номер, и звук шагов гулко рикошетил от пустых стен. Мысли путались: завтра им предстояло буквально втиснуться в жесткую «броню» скафандров, а еще через сутки — сесть в самую настоящую, реальную ракету, и Земля превратится в стремительно уменьшающийся шар.

В номере он, не раздеваясь, повалился на кровать и уставился в потолок. За иллюминатором наливалось синевой небо, а где-то там, в пустоте, ждала Луна. В детстве космос казался ему чем-то величественным и недостижимым — территорией настоящих героев с волевыми подбородками. Сейчас Дима узнал и изнанку: космос — это бухгалтерия. Бесконечные таблицы допусков, графики расхода кислорода и жесткие весовые лимиты. Никакой романтики, сплошная функциональность. Здесь каждый ценился не за мужество, а за то, что он весил на десять килограммов меньше предыдущего кандидата и умел вслепую перепаять плату в неуклюжих перчатках скафандра.

Вспомнилась мама. Ее сухое «Долетел?», за которым прятался страх, так и не облеченный в слова.

Дима свернулся калачиком на покрывале. Сейчас, пока люк еще не задраен, он позволить себе еще одну роскошь — признаться, что ему до дрожи, до ледяного кома в горле страшно. Эта ночь последняя, когда он еще имеет на это право.

Он закрыл глаза, впитывая этот страх, запоминая его вкус, как запоминал вкус последнего земного ужина. А потом выдохнул.

Он был готов.

## 2 глава

Звук был неправильным.

Дима осознал это еще до того, как двигатели вышли на режим. В учебных симуляторах, на которых его гоняли последние три месяца, рев был приглаженным, почти стерильным — цифровой имитацией. Настоящий же оказался первобытным, утробным. Он шел не снаружи, а откуда-то изнутри: из самого корпуса, из грудной клетки, которая вдруг стала неподъемной. Ракета не летела — она с мясом продиралась сквозь слои атмосферы, и Дима ощущал каждый стык этой колоссальной конструкции собственным позвоночником.

— Поехали, — буднично донеслось в наушниках.

Дима хотел было хмыкнуть про авторские права на фразу, но в этот момент на него внезапно сел слон. Сначала один, а следом — все стадо.

Один g, полтора, два... Дима начал считать про себя. «Считай, пока можешь, — наставлял инструктор, — это значит, кровь еще доходит до головы».

Три. Четыре. Челюсть свело, дышать оказалось по-настоящему трудно — каждый вдох приходилось отвоевывать у физики. Дима сжал подлокотники так, что костяшки побелели.

В двух метрах справа, в точно таком же кресле, замер Чэнь Вэй. Дима не мог повернуть голову — она стала свинцовой, — но краем глаза видел, как китаец окаменел. Лицо Чэня оставалось абсолютно спокойным, но Дима понимал: к восточному хладнокровию это не имеет никакого отношения. Просто при пяти g мышцы превратились в маску, сквозь которую ни одна эмоция не пробьется. «Мы сейчас просто манекены для краш-теста», — промелькнула дурацкая мысль.

Пять. Вибрация прошла сквозь череп, заставляя картинку перед глазами двоиться. Внутренности смещались, повинуюсь векторам силы, а не законам анатомии. На тренировках обещали, что это нормально. Сейчас, когда его тело пыталось на молекулярном уровне слиться с металлом кресла, Дима в этом сильно засомневался, а в голову полезли те цифры и вероятности, о которых он запретил себе думать.

Шесть.

Ракету тряхнуло.

На долю секунды Диме показалось: ну теперь все точно развалится. И корабль, и он сам. Его личный предел прочности был где-то совсем рядом. Но внезапно бешеная пляска прекратилась, а давление перестало расти.

— Первая ступень пошла, — голос Алексея в наушниках прозвучал сухо, но Дима все равно восхитился фактом, что командир вообще мог говорить.

Сам он судорожно выдохнул, осознав, что все это время почти не дышал. Перегрузка не исчезла, но стала ровной, предсказуемой. Четыре g, три с половиной...

Выход на орбиту случился внезапно.

Вес исчез. Совсем. Желудок, до этого вжатый в позвоночник, радостно рванул к горлу. Кровь прилила к лицу, и вдруг Диме показалось, будто он висит вниз головой.

— Ноль g, — бодро скомандовал Алексей. — Можете отстегиваться. Медленно, без резких движений.

Дима потянулся к замку ремней. Рука, привыкшая преодолевать сопротивление воздуха и земной лени, взметнулась вверх со скоростью пули — он едва не заехал себе по носу. Пальцы казались чужими. Он нажал на защелку, ремни опали, и Диму плавно потянуло вверх над ложементам.

Он рефлекторно вцепился в подлокотник. Голова кружилась — но не от скорости. Просто «верх» и «низ» внезапно стали понятиями чисто субъективными.

— Привыкай, — раздался голос Михаила. Врач уже освободился и теперь плавно дрейфовал неподалеку. — Главное, головой не верти пока вестибулярка не привыкнет. Тошнит?

Дима чуть не качнул головой, но вовремя себя остановил.

— Нет, — вместо этого ответил он — и ведь почти не соврал.

Замер, удерживая себя за кресло, и вдруг увидел, как прямо перед глазами медленно дрейфует карандаш. Его собственный механический карандаш. Грифель сломан — видимо, ударился обо что-то при старте. Он парил в воздухе, лениво вращаясь вокруг своей оси — такой крошечный стальной спутник.

Дима протянул руку — на этот раз осторожно — и поймал его. Движение вышло неожиданно точным. Он сжал холодный металл в кулаке и почувствовал, как дикий, первобытный страх последних минут начинает отпускать.

— Поймал, — негромко сказал он сам себе.

Так случилась его первая маленькая победа над законами этого места.

Михаил вновь нашел его через полчаса. Дима уже освоился настолько, что мог перемещаться вдоль переборок, перехватывая поручни. Движения пока были неуклюжими, но он хотя бы перестал путать направления, и то хорошо.

— Соколов, — Михаил подплыл к нему с тонометром. — Давай, швартайся где-нибудь, проверим показатели.

Дима зацепился носками за фиксаторы у переборки.

— Дыши спокойно.

Манжета сжала плечо. Дима смотрел на врача — тот работал расслабленно. Чувствовалось, что для Михаила эта среда пусть не привычная, но явно не вызывающая дискомфорт.

— Сто двадцать на семьдесят. Пульс девяносто. Для первого часа в «нуле» — отлично, — он убрал прибор. — Как голова? Не мутит?

— Кружится, но в целом терпимо. Пока держусь.

— Если поплывешь — сразу говори. У меня есть таблетки, которые помогут, хотя лучше, конечно, по старинке адаптироваться. Пакеты тоже наготове, если что. Ты молодец, Соколов, хорошо держишься.

Дима не понял, пошутил Михаил про пакеты или просто констатировал этот факт. Лицо врача оставалось абсолютно непроницаемым.

— А Чэнь как? — Дима кивнул в сторону соседа.

— Чэнь тоже огурцом. — Миша усмехнулся. — Вы с ним в этом плане молодцы.

Врач оттолкнулся от стены и легко, почти изящно уплыл к следующему ложементу. Дима остался один у переборки.

Он взглянул в иллюминатор и замер.

Перед ним простерся его величество Космос — всамделишная, реальная чернильная, абсолютная пустота, прошитая иглами звезд. Здесь, не отгороженные атмосферой, они не мерцали: застыли холодными точками в безвоздушном океане.

Он осторожно оттолкнулся от переборки и скользнул к своему месту. В узкую щель между корпусом и панелью Дима успел заметить краешек Земли. Но через мгновение стена закрыла обзор, оставив лишь гул вентиляции и запах замкнутого пространства.

\*\*\*

Первые сутки в невесомости превратились в сплошную попытку заново научиться владеть собственным телом.

Дима отталкивался от переборки — его закручивало. Локти ударялись о поручни, ноги искали потолок, а сколько ударов досталось спине... Только с пятой попытки он кое-как поймал ритм.

Потом пошло легче. Дима приучил себя проверять карманы, двигаться без рывков и не крутить головой — вестибулярный аппарат ясно давал понять, что это лишнее.

Однако спальный мешок оказался испытанием особого рода.

Кокон крепился к стене карабинами. Внутри было мягко, но не ощущалось опоры. На Земле сон — это осязаемое: матрас давит на спину, подушка поддерживает затылок. Здесь же он просто висел в пустоте, зажатый ремнями, которые фиксировали тело, но не давали привычного чувства защищенности.

Тяжелее всего пришлось шее — мышцы, работавшие на Земле круглосуточно, здесь внезапно лишились нагрузки. Голова ничего не весила, и от этой «пустоты» в плечах было тревожно — казалось, будто часть тела просто исчезла. Дима долго возился, пытаясь устроиться поудобнее, но в невесомости «удобно» не существовало.

В конце концов Дима уснул лишь от изнеможения, свернувшись калачиком. В этой позе спина хотя бы чувствовала натяжение ткани, создавая иллюзию твердой поверхности.

Проснулся он от звука.

Тонкий металлический скрип, похожий на стон старого судна на волне. Но здесь не было волн — лишь вакуумная тишина, которую вдруг вспорол этот скрежет.

Дима резко открыл глаза, на лбу тут же выступила испарина. В модуле было темно, только тусклые зеленые огоньки приборов мазали по переборкам. Скрип шел со стороны внешней обшивки — высокий, вибрирующий, словно корпус медленно лопался по шву.

Сердце ухнуло в пятки. Разгерметизация. Сейчас воздух начнет уходить, взревет сирены, и он умрет здесь, пристегнутый к стене, даже не успев выпутаться из мешка... Скрип повторился, и в этот раз Дима уловил в нем ритм. Мерный, медленный ритм.

Он замер, прислушиваясь.

Звук шел из района грузового отсека. Это был металл, который «дышал», оседая от перепада температур. На Земле такие звуки растворяются в шуме городов и шорохе атмосферы.

Дима откинулся назад и прикрыл глаза. Дрожащими руками провел по вмиг ставшим влажными волосам.

«Это просто сталь, — твердил он про себя, пока дыхание не выровнялось. — Двадцатимиллиметровый сплав. Она не рвется, просто устраивается поудобнее».

Дима лежал в мешке, слушая, как обшивка вздыхает под перепадами температур. Поэты, писавшие о звездах, этого звука не слышали. Романтики хватило бы на одну ночь.

\*\*\*

Дима проснулся от того, что лоб уперся в холодную стенку спального мешка. Пора было вставать, но в невесомости «встать» значило просто расстегнуть ремни — и поплыть. Он моргнул, с трудом сфокусировал взгляд. Привычных утренних ритуалов проделать тоже не вышло: ни потянуться, ни посидеть на кровати, глядя в одну точку минут пять.

Умываться было странно. Вода не текла — висела шариками в воздухе. Полотенце тоже плавало само по себе.

К тому времени, как он добрался до центрального отсека, остальные уже были там.

Они сгруппировались вокруг стола-трансформера. Столешница едва позволяла разместиться пятерым, но в итоге вместила всех: в невесомости не нужно сидеть в привычном смысле — достаточно зацепиться ногами за поручни и наклониться к еде.

Дима пристроился между Сергеем и Ван Цзянем. Китаец, в отличие от остальных, не спешил распаковывать запасы. Он методично проверял фиксаторы на столе, словно даже во время еды ожидал внезапной встряски. Перед каждым на липучках замерли тюбики и пакеты с сублиматами. Алексей, как командир, взял слово.

— Первый обед на орбите, — торжественно произнес Алексей, поднимая тюбик с борщом. — По традиции, без тостов. Короче, приятного аппетита.

— Спасибо, — нестройно отозвались несколько голосов.

Дима взял свой пакет — творог с орехами. Повертел, изучая. Затем впрыснул воду и размял. Нажал.

И отшатнулся так резко, что перевернулся бы в воздухе, если бы не удерживающие на месте ремни— масса выстрелила, повисла в воздухе. А потом продрейфовала в сторону.

— О, — улыбнулся Сергей. — Летающая еда. Ну, классика.

Он поймал шарик ртом и прожевал. Скривился.

— Творог, блин.

— А ты чего ждал? — спросила Катя.

— Ну, не знаю. Сюрприза какого-нибудь.

— Творог — это и есть сюрприз, — произнес Алексей, демонстрируя свой пакет. — Лично я борщ заказывал.

Все посмотрели на этикетку: «Творог с орехами».

— Командир, — Сергей покачал головой. — Сочувствую.

Алексей молча вскрыл пакет, выдавил массу в рот.

— Вкусно, — сказал он.

Ему никто не поверил — слишком уж красноречивым было выражение лица. Дима решил, что может оно и к лучшему, что его творог уплыл.

Он взял второй пакет — гречку с говядиной. На этот раз нажимал аккуратно. Вкус у еды, правда, оказался странный. Соль ощущалась острее, текстура была непривычная. Но есть было можно; в целом это было даже лучше, чем пельмени в студенческие годы.

— Слушайте, — сказала вдруг Лю Минь. — А вы боялись? В первый раз, ну...

Повисла пауза, за время которой Дима в который раз успел восхититься «Вавилоном» — нейросеть переводила с минимальной задержкой и сохраняя интонации. Представители наций, без проблем общающихся на двух самых сложных языках планеты — это ли не технологичное чудо?

— Боялся, — коротко сказал Чэнь.

— А я даже поплакала, — сказала Катя. — Но не от страха даже, не подумайте. От обиды. Мне на тренировках наобещали: кожа, говорят, бархатной станет. А она просто опухла.

Сергей хмыкнул.

— А я только о жене думал — точнее, тогда еще о коллеге. У нас обоих тогда первый полет был, я влюбился в нее с первого взгляда, с первой тренировки. И как только ракета взлетела, я понял: надо признаваться.

Дима потянулся к термопакету с чаем. Сделал глоток.

— Гадость, — скривился он.

— Привыкнешь, — бросила Катя. — Тут все такое. А кофе... м-м-м! Хочу видеть твое выражение лица, когда попробуешь.

Лю Минь открыла пакет с орехами. Один миндаль тут же выскользнул — и замер в воздухе.

— «Миндаль-1», — Сергей лениво поймал его двумя пальцами. — К полету годен.

Он повертел орех, глядя в иллюминатор, где за горизонтом висела Земля — маленькая, хрупкая, совсем далекая.

— Скучаешь? — тихо спросил Алексей.

Сергей усмехнулся, но глаза оставались серьезными.

— По жене — скучаю. И по пацанам, — с душой произнес он. Бросил взгляд на Диму и добавил, объясняя: — У меня их целых трое. Двое уже школьники, третий в саду... а четвертый сейчас на подходе. Светка на пятом месяце.

Он протянул орех Лю Минь, та виновато улыбнулась и быстро приняла «добычу».

— И ты полетел? — удивился Дима. Оставить дома беременную жену... — А как же роды?

— Так расчет простой: я успеваю вернуться как раз к дате, — Сергей подмигнул. — Мы оба понимали, что после трех лет подготовки от миссии я не откажусь. Да и Светка сказала, что я ей только мешаюсь.

— А кто будет? — поинтересовалась Лю Минь, перестав жевать. — УЗИ уже делали? Сергей качнул головой, и в его глазах промелькнул азартный, почти мальчишеский огонек.

— А мы решили не узнавать. Хотим сюрприз. Три пацана уже есть... Конечно, дочку хотим. Чтобы платьица, косички, все дела... Но, если снова мальчик — ну, значит, будет у меня своя хоккейная команда.

Лю Минь едва заметно вздохнула и покосилась на Ван Цзяня.

— А мой папа хотел мальчика, — негромко произнесла она, обращаясь скорее к упаковке орехов, чем к Сергею. — Чтоб был инженером с крепкими руками.

Ван Цзянь, до этого момента сосредоточенно поглощавший свой рацион, замер. Он медленно поднял взгляд на дочь. Его суровое, обычно неподвижное лицо смягчилось, а в уголках глаз собрались мелкие морщинки — Диме не часто доводилось видеть, как этот человек улыбается.

— Я говорил это, пока тебя не увидел, Минь, — голос Вана даже через переводчик прозвучал по-особенному мягко. — Но, когда ты починила мой старый транзистор, я понял, что «крепкие руки» — это скорее вопрос воспитания.

Он послал дочери мягкую сдержанную улыбку.

— Лучше бы тебе успеть до родов, — произнес Алексей, возвращая внимание Сергею. — Зная характер Светланы, она тебя на порог не пустит, если пацан будет.

Сергей негромко рассмеялся.

Ужин шел своим чередом. Кто-то ел молча, сосредоточенно выдавливая остатки рациона из пластиковых пакетов. Лю Минь то и дело бросала на Сергея любопытные взгляды, так что Дима сделал вывод: для команды откровения пилота стали сюрпризом. Похоже, о его семейных делах до этого момента не догадывался никто, кроме, может, Алексея.

Атмосфера как-то незаметно переменялась. Градус... ну, стало немного тоскливо.

И Дима, пусть и был в команде всего около трех месяцев, заметил, что Катя таких пауз не выносит. Любых, честно говоря. Она всегда их старалась заполнить, благо, за спиной имелся огромный багаж знаний и приключений. Рассказчиком она тоже была отличным — Дима всегда заслушивался. Вот и сейчас время за ужином пролетело незаметно, пока она рассказывала о Камчатке.

— Был момент, — Катя сделала паузу, придерживая пакет с соком, — когда я чуть не ухнула в трещину на леднике. Туман, все белое: ни неба, ни земли — сплошная «молочка». Я думала богу душу отдам. С тех пор не выношу, когда вокруг слишком тихо и ничего не видно. Здесь, в модуле, хотя бы железки гудят, и на том спасибо.

— А я боюсь воды, — негромко произнес Чэнь. Он отложил планшет и посмотрел на пакет с соком в руках Кати так, словно видел в нем угрозу. Дима уже было решил, что за этим ничего не последует, но Чэнь продолжил: — В четвертом году я поехал волонтером на Шри-Ланку, сразу после цунами. Мне было девятнадцать. Никогда не забуду разрушений, которые принес океан.

Дима поежился. Ему нечего было рассказать: максимум его потрясений это заглохшая на трассе машина — летом и недалеко от города.

Так он лишь молча потягивал остывший чай, слушая на коллег.

Миша тоже не участвовал в разговоре. Он сидел чуть в отдалении, пристегнувшись к переборке, и что-то помечал в планшете. Дима заметил, что врач почти не притронулся к своим тубикам. И, похоже, обратил на это внимание не он один.

— Миш, — окликнул его Алексей. — Ешь. Тебе тоже силы нужны.

— Да-да, — Михаил отложил записи и послушно взял порцию. Повел плечами. — Просто привыкаю.

— К чему именно? — от удивления вырвалось у Димы.

Ему казалось, что Алексей и Миша адаптировались быстрее всех.

— К тому, что здесь все иначе. — Миша посмотрел на него поверх тюбика. — Понимаешь, на Земле меня учили — нет, даже тренировали — по запаху или цвету кожи понимать, кто из пациентов нервничает, а у кого сахар упал. Это как рефлекс, я даже не замечал, что анализирую. Но здесь запахов нет. Лица у всех припухшие из-за прилива крови к голове. И меня будто... стетоскопа лишили и заставили слушать легкие.

Когда с ужином было покончено, Сергей кивнул Диме:

— Давай, помогай.

Они начали стягивать пустые пакеты с липучек. Сергей принимал, Дима подавал. Потом Сергей закрепил их на липучках утилизатора.

— А ты бы кого хотел, девочку или мальчика?

Дима замер: вопрос был как обухом по голове. За месяц тренировок они вообще не сблизились. Никогда не говорили о личном. Да Дима даже не знал, что Ван Цзянь и Лю Минь — отец и дочь. А тут прямо вечер откровений. ЦУП бы это оценил.

Пакет повис в воздухе — он механически поймал его, почти не прикладывая усилий.

Девочку, мальчика... да какая разница? Вообще, ему бы сначала хоть кого-то. Последние отношения закончились три года назад. Хотя причина расставания была связана с детьми — его избранница их не хотела. Теперь его жизнь состояла из стандартного: работа, дом, работа.

Была и Алиса. Но у них все выходило как-то сложно: они сошлись за восемь месяцев до старта, и из-за всей кутерьмы с подготовкой, у Димы не было времени подумать о своих чувствах. В целом, им было неплохо вместе, но уверенности в завтрашнем дне не прибавлялось — после болезненного разрыва Дима понял, что комфортное нахождение рядом совсем не гарант долгого будущего.

А сейчас Дима и вовсе совершенно не знал, ждет ли она его или уже живет дальше. Алиса, в отличие от матери, известие о его полете на Луну приняла в штыки, назвав это «побегом от реальности», и их последний разговор перед карантином оставил во рту неприятный привкус недосказанности, который не исчез даже спустя триста тысяч километров.

— Не знаю, — сказал он наконец, когда пауза затянулась совсем уж долго. — Наверное, девочку.

Сергей глянул на него, и одобрительно кивнул. Хлопнул крышкой утилизатора и оттолкнулся.

— Порядок.

Дима отстегнулся и медленно поплыл к иллюминатору. Это было маленькое круглое окно толщиной в три пальца, вклеенное в переборку между жилым и техническим блоками. Дима знал, что в командном отсеке обзор лучше, но сейчас ему хотелось тишины.

Он зафиксировал ноги в петле, взялся за поручни и посмотрел наружу.

Внизу лежала Земля. Огромный голубой шар, укрытый белыми вихрами облаков, висел в абсолютной черноте. Океаны отливали такой глубокой синевой, что взгляд невольно замирал, пытаясь нащупать дно. Края планеты таяли в тонкой дымке атмосферы — единственной преграде между жизнью и бесконечной стужей...

Дима понимал, что видит это из-за радара и благодаря ему. Его взяли с собой, чтобы он помог найти воду там, где ее никто не видел. Но сейчас, глядя на планету, он понял: он здесь еще и для того, чтобы просто это увидеть. И осознать, что все, во что он верил, и все, кого он знал, остались там — внутри этого тонкого светящегося слоя. С этой стороны мир казался не грандиозным, а пугающе беззащитным. Просто мишень в пустоте.

### 3 глава

Для того, чтобы прилуниться, использовался посадочный модуль «Луна-27» — эдакий лифт. Основной корабль, на котором команда летела трое суток, оставался их ждать на орбите.

Кабина «Луны-27» проектировалась по принципу жесткой экономии, но в этом не было ничего удивительного — у модуля, в отличие от любой другой техники на Луне, действительно была лишь одна задача.

Дима втиснулся в левое заднее кресло. Он с уже привычной ловкостью затянул пятиточечные ремни — сначала на бедрах, потом на груди. Лямки впились в плечи через плотную ткань комбинезона, напоминая: через несколько минут они станут единственной преградой между его телом и приборной панелью.

Впереди маячили затылки Сереги и Алексея. Руки Сергея уже замерли на джойстиках, а командир сосредоточился на дублирующих мониторах. Справа сидела Катя. За тонкой переборкой в такой же тесноте застыли остальные — Миша, Ван Цзянь, Чэнь и Лю Минь.

Дима провел рукой по внутренней обшивке. Здесь, под декоративным пластиком, скрывалась главная тайна их выживания. Возле правого иллюминатора в узкую щель был виден срез композита — серебристо-серый слой с едва уловимым фиолетовым отливом, похожим на бензиновое пятно в луже.

— Красиво играет, — негромко сказала Катя.

Лицо ее казалось спокойным, но пальцы, вцепившиеся в подлокотник, выдавали напряжение.

— Жаль, что эту красоту скоро завалит слоем серой пыли, — ответил Дима.

— Зато внуки у нас будут с нормальным количеством пальцев, — отозвался Алексей, не оборачиваясь.

Дима понимал, что имеет в виду командир. Он уже встречался с этим напылением — гексаборидом лантана с алюминием и магнием; его разработали ученые из РУДН. По защите от тяжелых ионов он много круче свинца, а весит в разы меньше.

Разработки Димы напрямую не связаны с радиацией, но некоторые детали и механизмы были настолько чувствительны к ней, что требовали защиты.

С появлением напыления точность работы некоторых приборов, например в навигации, повысилась.

— И, в отличие от свинца, не воняет, — хмыкнула Катя, вырывая Диму из мыслей. — Я в аспирантуре свинец плавил в открытом тигле, до сих пор этот сладковатый запах в носу стоит.

— А фиолетовый откуда? — Сережа мельком бросил взгляд на срез. — Краска?

— Нет, Бор, — произнесла Катя таким тоном, будто это что-то само собой разумеющееся. — Гексаборид лантана дает специфическое рассеивание. От глубокого синего до почти черного.

— Все, разговоры в сторону, — отрезал Алексей внезапно. — Входим в зону торможения.

Разговоры стихли: пилотам нужно было сосредоточиться.

Дима еще раз посмотрел на фиолетовый слой — такой тонкий, но какой эффективный. Без этой «фиолетовой чешуи» каждый из них получил бы за перелет дозу, эквивалентную полусотне рентгеновских снимков, а на поверхности Луны тяжелые ионы превратили бы их клетки в решето за считанные недели.

Вся миссия вряд ли состоялась, если бы не гексаборид лантана.

Дима до боли в глазах сосредоточился на мониторе. Схема посадки разворачивалась в реальном времени: тонкая голубая нить траектории, пульсирующая красная точка в центре целевого кратера и стремительно бегущие зеленые цифры, обозначающие высоту.

— Тридцать секунд до начала торможения, — голос Алексея изменился. Исчезла всякая расслабленность, сменившись командирским тоном. — Всем приготовиться. Контроль ремней.

Дима вжался в ложемент. Он потянул за лямки, стараясь затянуть их туже, хотя туже уже было некуда.

— Соколов, — позвал Алексей. — Датчик касания активен?

— Да, — ответил Дима. Тут же исправился: — То есть, так точно, активен.

Модуль содрогнулся. Двигатели включились внезапно, ударив по ушам низким гулом. Сильная вибрация прошла корпус, кресло и зубы. Дима плотно сжал челюсти, опасаясь прикусить язык.

— Режим посадки активирован, — сообщил женский голос — автоматический и безупречно равнодушный. — Высота пятнадцать километров. Скорость — тысяча шестьсот.

Зеленая точка на экране дрогнула и поползла вниз. Сережа работал джойстиком, микрокоррекциями страхуя автоматику — компьютер сам рассчитывал импульсы и гасил колоссальную скорость сближения с мертвым миром.

— Высота двенадцать... скорость тысяча двести.

Дима чувствовал, как невидимая сила плавно вдавливая его в кресло. Это не было похоже на рывок старта, скорее ощущение тяжелого падения.

— Высота восемь... скорость девятьсот.

Внезапно на главном мониторе Сергея вспыхнула желтая полоса, перечеркнувшая расчетную сетку.

— Ошибка, — ровно произнес пилот, но Дима отлично видел, как напряглись мышцы на его шее. — Датчики альтиметра сбоят. Сильные помехи.

— Пыль? — коротко спросил Алексей.

— Так точно.

Все поняли: двигатели подняли облако выше, чем показывали симуляторы. Автоматика «слебла», не находя опоры в рельефе. Цифры высоты на экране запрыгали: пять тысяч, шесть двести, пять восемьсот. Система теряла ориентацию.

— ВНИМАНИЕ, — сказал тот же автоматический голос, но Диме почудились в нем металлические нотки. — Датчики альтиметра нестабильны.

— Черт, — Алексей перехватил управление на своем пульте.

Сережа выдохнул сквозь зубы и щелкнул тумблером на центральной консоли:

— Беру на себя. Перехожу на ручное! — Добавил, не оборачиваясь: — Соколов! Подключайся к навигационному радару. Только не как на тренировках. Мне не нужны красивые картинки, давай данные по плотности площадки в реальном времени. Ищи твердь, Дима!

Во рту пересохло. Модуль трянуло, вибрация перешла в тяжелый гул — двигатели вышли на форсаж.

Дима послушно уставился в свой монитор. В первые пять секунд его прошибла паника. О какой красивой картинке шла речь, когда данные вообще ни в какую не собирались?

Он едва не доложил об этом командиру, как вдруг заметил, что что-то вырисовывается. Дима сосредоточился.

— Только не рывками... не рывками... — цедил сквозь зубы Сергей.

— Я ничего не вижу, — напряженно отозвался Алексей, вглядываясь в мониторы внешней телеметрии. — Ни черта, блин, не видно, пыль стоит сплошной стеной.

— Я вижу, — отрезал Сергей. — Ориентируюсь по приборам.

Дима от своего экрана нет отрывал глаз, даже не моргал. Радиолуч пробивал пылевую завесу, рисуя профиль грунта прямо под ними.

— Высота — три километра, — пророкотал бесстрастный синтетический голос. — Скорость — сто пятьдесят.

— Маловато гасим, — Сергей резко перебросил тумблеры. — Держитесь, сейчас встряхнет!

Двигатели взревели с новой силой. Перегрузка тяжелой плитой легла на грудь, снова вжимая Диму в ложемент. Он готов был поклясться, что чуть не отключился, но усилием воли заставил кровь течь в голову. Сфокусировал зрение на прыгающих цифрах. Плотность грунта внизу росла — медленно, но неуклонно.

— Два километра. Скорость — девяносто.

В этот момент график на экране резко подпрыгнул вверх.

— Под нами скала! — крикнул Дима, стараясь перекрыть гул и собственный дрожащий голос. — Вижу монолит, плотность два и девять. Сверху тонкий слой пыли, под ним — анортозит. Идеальная площадка, Серега!

Сергей не ответил. Он вел многотонную махину вниз сквозь помехи и пыль, намертво залепившую иллюминаторы.

— Один километр. Скорость — пятьдесят.

— Слишком быстро идем! — Алексей подался вперед, контролируя вектор тяги. — Гаси, Серега, не успеем!

— Гашу! — рявкнул пилот. — Не зуди под руку!

Дима до боли вцепился в подлокотники. В голове роились панические мысли: а что, если он неверно считал сигнал? Что, если этот скальный выступ — лишь козырек, который сейчас обломится? Что, если он где-то ошибся?..

— Пятьсот метров. Скорость — двадцать.

Сергей врубил тормозные двигатели на полную мощь. Перегрузка стала почти невыносимой, в глазах снова на мгновение потемнело. График плотности на мониторе стоял почти вертикально — они зависли прямо над выступом, твердым, как армированный бетон.

— Выдержит, Сергей! Площадка! — Дима сорвал голос на крик.

— Вижу, — выдохнул Сергей и добавил совсем тихо, почти нежно: — Ну, пошли, дорогая...

Удар оказался на удивление мягким, хотя внутренние органы все равно подпрыгнули.

Модуль коснулся поверхности, качнулся на гидравлических опорах и глубоко просел на амортизаторах. Двигатели, издав прощальный вздох, начали затихать. Наступила тишина — такая внезапная и абсолютная, что Дима отчетливо услышал бешеный стук собственного сердца и тихое шипение системы вентиляции. За переборкой кто-то шумно, с присвистом выдохнул.

— Посадка завершена, — сообщил автоматический голос, и Дима ощутил совершенно искреннее очень сильное желание его ударить. — Двигатели отключены. Параметры систем в норме.

Дима разжал пальцы. На экране навигатора светилась неподвижная линия: опоры уперлись в твердь. Они были на Луне.

Они были на Луне!

— Мы на Луне, — неверяще произнес кто-то. — Приехали.

В наушниках ожил переводчик с голосом Ван Цзяня — спокойный, с характерной хрипотцой:

— Поздравляю экипаж с успешным касанием. — Короткая пауза.

Смысл слов доходил до сознания Димы с задержкой. Он тупо смотрел на свои ладони: они ходили ходуном от мелкой, неуправляемой дрожи.

— Соколов, — позвал Алексей. — Молодец.

Тот только кивнул, не в силах разлепить пересохшие губы.

Катя первой отстегнула ремни. Пользуясь слабой лунной гравитацией — непривычной после земной тяжести и орбитальной невесомости, — она легко, словно в замедленной съемке, оттолкнулась от кресла.

Она зависла недалеко от иллюминатора. Вместо лунных пейзажей за стеклом стояла плотная серая мгла. Реголит, поднятый струями двигателей, еще не осел. Вообще в вакууме пыль опадает быстро, но в первые мгновения после касания она плотным саваном окутала модуль.

— Подожди, — негромко сказал Алексей, тоже отстегиваясь. — Дай ей улечься.

Прошло несколько бесконечных минут. Сначала проступили нечеткие контуры камней, затем — резкие тени, и, наконец, пространство очистилось.

Катя приникла к стеклу. Дима заметил, как она тут же отпрянула — стекло еще хранило жар.

Все и так было видно: бескрайняя серая равнина, пугающе близкий, «заваленный» горизонт и абсолютно черное небо.

— Мы на месте, — прошептала Катя.

Дима, не выдержав, усмехнулся. Он поднялся, пошатываясь и придерживаясь за спинку кресла. Тело, привыкшее за три дня к невесомости, теперь пыталось осознать лунную гравитацию — в шесть раз слабее земной, но все же ощутимую. Каждое движение казалось странно пружинистым.

Он подошел к другому окну. Его взгляд упал на внешнюю обшивку модуля. Она была испещрена микротрещинами и вмятинами — шрамами от космической пыли, собранными за время пути. Но там, где внешний защитный слой лопнул, отчетливо проглядывал серебристо-фиолетовый слой.

В наушниках раздался голос Алексея. Теперь он звучал иначе — официально, по-командирски, но Дима уловил в нем едва заметную дрожь облегчения.

— «Луна-27» — «Земле». Посадка подтверждена. Экипаж жив, системы в норме. Выход на поверхность — через два часа.

Повисла пауза — полторы секунды, пока сигнал шел обратно. Потом в наушниках прорезался далекий, слегка искаженный голос с Земли:

— Поняли вас, «Луна-27».

Командир сделал паузу, словно давая осознать цифру, и добавил уже тише:

— Ждем, пока осядет пыль. Плюс двигателям нужно остыть: под соплами сейчас, наверное, больше тысячи градусов. Солнце тоже переместится в рабочее состояние. Пока — экспресс-проверка систем и короткий отдых.

Дима отвернулся от иллюминатора. Эти два часа были необходимым буфером между техническим триумфом и физическим контактом с чужим миром. Всем нужно было время, чтобы прийти в себя.

Теснота кабины, которая еще час назад казалась удушающей, теперь ощущалась уютной. В данный момент эта железная банка была их единственным укрытием во Вселенной.

## 4 глава

Дима сбился со счета, сколько раз проверил давление. И все же перед тем, как открыть люк, снова взглянул на датчик.

Раньше внутреннее давление кислорода превращало костюм в дубовую шину, с которой приходилось буквально бороться ради каждого шага. Новый «Орлан» вел себя иначе. Шарниры с титановыми вкладышами работали идеально: Дима мог присесть или вскинуть руки, не чувствуя сопротивления материала. Броневик весом в центнер стал послушным.

А еще у него единственного из всей команды были уменьшенные перчатки.

Но особой гордостью конструкторов была, разумеется, защита от реголита. Лунная пыль — острая, как колотое стекло, и липкая из-за статики — прежде забивала сочленения за считанные часы. Новые «Орланы» получили тефлоновое напыление, с которого пыль попросту соскальзывала, и магнитные манжеты, отталкивающие ядовитую взвесь — серые частицы буквально танцевали вокруг запястий, не решаясь осесть. Под внешней оболочкой пульсировала «вторая кожа» — сетчатый водяной контур. И опять же, в прошлом космонавты регулировали температуру вручную. После 2026 года благодаря разработке российских ученых это дело отошло автоматике.

И за все это Дима готов был расцеловать технологов прямо сейчас, в эту секунду, когда люк с шипением открылся.

Он замер на пороге, мертвой хваткой вцепившись в поручни. В полуметре от его подошв лежала луна.

Самая настоящая, всамделишная, реальная Луна!

Внутри шлема было тесновато и душновато, но на это оказалось фатально плевать. Только бы нос не зачесался.

— Соколов, — прорезал тишину голос Алексея. Дима вздрогнул. — Соколов, ты заснул? Давай, первый пошел.

Он по привычке кивнул — и тут же мысленно обругал себя. За зеркальным визором этого никто бы не заметил, даже стой к нему вплотную. Сделал глубокий вдох, наполняя легкие регенерированным кислородом, и шагнул.

Система жизнеобеспечения за спиной гудела ровно, монотонно, и это стало единственным звуком в его личной вселенной, ограниченной скафандром. Здесь, в вакууме, привычная физика превратилась в сухую теорию. Оглушительная тишина снаружи давила на перепонки, и Дима невольно прислушался к собственному сердцу — оно стучало где-то в горле. Единственным доказательством реальности остались гул вентиляторов и сухой треск в наушниках. Если за спиной сейчас вдруг взорвалась ракета, он бы об этом только догадался по приборам.

Левая нога опустилась на верхнюю ступеньку. Непривычно. Распределение веса ощущалось дико: на Земле он бы почувствовал давление в коленях, здесь же нога поплыла вниз плавно, словно в замедленной съемке, и коснулась опоры с балетной мягкостью.

Шестая часть тяжести. Он зазубрил это число, прочувствовал на тренировках в «Ил-76МДК», но все-таки теория и реальность расходились.

Вторая ступенька. Скафандр скрипнул: слои терлись друг о друга, создавая обманчивое чувство неповоротливости. Дима ощущал себя тяжелым водолазом на дне безмолвного океана. Математика математикой, но тело предательски ждало земного толчка в пятку, а его не было.

Третья ступенька. Шаг.

Он стоял на Луне.

Черт возьми!

Ботинки мягко ушли в реголит. Пыль была похожа на цементную взвесь, но вела себя иначе: она не клубилась, а липла к подошвам, словно живая. Дима почувствовал, как через

толстую многослойную подошву передается странная мягкость грунта. Никакого сопротивления, никакой твердой опоры — только вязкая, серая пустота под ногами. Стало не по себе.

Дима оторвал взгляд от ног и пораженно замер.

Над ломаной линией горизонта, над бесчисленными кратерами висела Земля. Она занимала меньше трети неба, нагло вытесняя звезды. Ослепительно-белые вихри циклонов закручивались над океанами, проступала коричневатая зелень континентов, тонкий голубой купол атмосферы тоже был на месте.

— Красиво, правда? — негромко спросила Катя.

— Я думал, будет страшно, — выговорил Дима. Голос его звучал глухо, как из глубокого колодца. — А мне... спокойно.

Никто не ответил — было слышно только размеренное дыхание в эфире и треск статики. Да, здесь тишина разительно отличалась от земной. Она не была ничем наполнена — ни шумом листвы, ни гулом городов. К этой психологической нагрузке еще предстояло привыкнуть.

Дима коснулся кнопки внешних микрофонов, отключая их. Теперь он слышал только себя. Чтобы убедиться в реальности происходящего, дважды стукнул пальцем по визору.

Тук-тук.

Звук передался вибрацией через кости черепа. Значит, жив.

Он включил связь, снова посмотрел на Землю. Там, внизу — или вверху, кто ж его разберет в космосе, — на этом сияющем шаре, его мать сейчас, возможно, пьет чай и даже не догадывается, что ее сын в эту секунду смотрит на нее.

— Соколов, — Алексей выдернул его из оцепенения. — Приходи в себя. Пора браться за работу. Время — деньги.

— Я в норме, — сказал Дима, возвращая голосу силу.

Он сделал первый полноценный шаг. Из-под подошвы взметнулось облачко серой пыли и — вопреки привычным земным законам — осело мгновенно, без завихрений, повинаясь чистой гравитации. Походка стала плавной, пружинистой. Рядом пристроился Сергей, за ним — остальные. В наушниках ожил голос Ван Цзяня; переводчик выдал фразу об «историческом моменте для человечества».

— Ну что, Димка, — Сергей подошел ближе, его белый скафандр в лучах солнца ослеплял. — Кто из нас первый-то ступил? Ты или я?

— Не знаю, — честно ответил тот. — Секунды не считал.

— Скромник, — хмыкнул Сергей. — В учебники попадешь. «Первый шаг объединенного экипажа», все дела.

Он развернулся к равнине. Теперь Земля осталась за спиной. Перед ними был мир резких теней и абсолютной четкости. Здесь не было воздуха, который размывал бы контуры, поэтому горизонт казался близким и острым.

Дима сделал шаг. Еще один — нога ушла глубже, чем ожидал. Пришлось качнуться вперед, поймать баланс. Чэнь Вэй рядом двигался увереннее, прыжками — раз, два, три метра за раз. Дима попробовал повторить: оттолкнулся — и поплыл. Луна медленно уходила из-под ног, потом так же неторопливо возвращалась. Странное, опьяняющее чувство.

Сто метров. Двести. И показалась Она.

База не напоминала футуристичный купол, который представлял себе Дима. На фоне величественных гор она выглядела как серый холм, из которого торчали антенны и мачты освещения. Ее собрали из трех массивных цилиндров, доставленных за полгода до экипажа. Т-образная конструкция была надежно укрыта «панцирем» — слоем реголита в мешках для защиты от радиации.

Дима вспомнил снимки с разведывательных спутников, которые демонстрировали на инструктаже: лагерь американской «Артемиды» выглядел куда изящнее, сверкая полирован-

ным алюминием, но эта база казалась надежнее — она буквально выросла в поверхность, мимикрировал под нее.

— Давайте, ребята, — скомандовал Алексей. — Время идет. Катя, Дима — на внешний осмотр периметра. Нужно убедиться, что щит цел, прежде чем дадим полное давление в модули. Остальные — по точкам, согласно протоколу, «Пробуждение».

Алексей махнул рукой. Ван Цзянь первым двинулся к антеннам, волоча за собой катушку с кабелем, Михаил — за ним. Чэнь Вэй и Лю Минь нырнули к солнечным панелям — Дима видел, как Чэнь присел на корточки, чтоб проверить крепления. Теперь движение экипажа не походило на балет — скорее, синхронное плавание.

Дима и Катя двинулись вдоль основания. Прыжки «кенгуру» быстро выматывали. Стоило чуть сильнее оттолкнуться, и тяжелый ранец за спиной превращался в маятник, который норовил перевернуть Диму и ткнуть лицом в пыль. Приходилось постоянно ловить баланс, работая корпусом. Каждое торможение отзывалось в пояснице — инерция центнера никуда не делась, она просто стала коварнее.

— Смотри сюда, — Катя указала пальцем на склон. — Здесь осыпалось.

Под воздействием температурных перепадов слой мешков немного просел. Дима активировал сканер на запястье. Ультразвуковой луч прошел толщу грунта, отразившись от алюминиевого корпуса.

— Деформация в допуске, — заключил он. — Но, наверное, надо отметить участок для роботов Минь. Пусть поправят.

Тем временем Алексей уже стоял у технического кессона. База, пробывшая в «спячке» полгода, требовала ручного пуска. Командир откинул крышку, под которой шли ряды клапанов. Сейчас в космосе механика надежнее электроники, но со временем изменится и это. А пока Алексей с усилием повернул тугой вентиль.

— Первый контур в работе, — доложил он по общей связи. — Давление — норма.

На другом конце площадки Ван Цзянь и Михаил уже разворачивали обсерваторию. Их задача была самой срочной: настроить связь, не позволяя лунной пыли осесть на оптику. Миша двигался с поразительной точностью, словно шестая часть гравитации была для него обычной.

— Трансляция на четырехстах гигагерцах активна, — отчитался Ван Цзянь. — ЦУП, подтвердите прием.

Движения команды становились все увереннее. С каждым шагом, с каждым затянутым болтом тела все больше адаптировались к малой гравитации. Ошибаться было чревато: лишний замах рукой — потеря равновесия; слабый толчок — промах.

— Закончили осмотр, — Катя тяжело дышала, в ее наушниках свистели вентиляторы. — База в норме.

— Принято, — ответил Алексей. — Двигайте к шлюзу. У нас сорок минут до лимита по кислороду. Заходим по двое.

Проходя мимо пульта диагностики, Дима бросил еще один короткий взгляд на Землю. Она все так же сияла, но теперь казалась не просто картинкой, а строгим заказчиком, ждущим отчета.

Возле люка Дима встал на решетку системы очистки. Сверху полыхнуло голубоватое сияние — ионизаторы снимали статический заряд, чтобы магнитные щетки могли собрать едкую пыль в коллекторы.

Пыль здесь напоминала наждак. Если хоть горсть ее попала бы в жилой модуль, то техника и электроника вышли бы из строя. Но не это самое страшное — коже и даже легким тоже пришлось бы туго.

Датчик на запястье мигнул зеленым, и внешняя дверь с тяжелым гулом поползла в сторону. Дима шагнул в узкий пенал шлюза. Сзади лязгнул металл, отсекая его от вакуума. Начался наддув. В тишине шлема возник нарастающий свист: в пространство врывался воздух.

Стенки шлюза были утыканы баллонами и датчиками. Под фальшпанелями пола вибрировали насосы, а за переборкой гудел блок электролиза, расщепляющий лед на живительный кислород. Когда давление замерло на отметке в 800 миллиметров, внутренняя дверь открылась.

— Добро пожаловать на борт, Дима, — сказал Серега, ожидающий его уже без шлема. — Оставляй свои «латы». Пора проверить, помнишь ли ты, как дышать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.